

НАВСТРЕЧУ 65-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ФИНСКОЙ АДМИНИСТРАЦИИ НА ТЕРРИТОРИИ ОККУПИРОВАННОЙ КАРЕЛИИ В 1941—1944 ГГ.

С.Г. Веригин

Исторический факультет
Петрозаводский государственный университет
пр. Ленина, 33, Петрозаводск, Республика Карелия, 185910

В статье показано, что в основе оккупационной политики финской военной администрации на территории Советской Карелии в 1941—1944 гг. лежала идея о разделении населения по национальному принципу на финно-угорское (коренное), которое имело привилегии, и не финно-угорское (некоренное), которое было лишено всех привилегий. Более того, половина некоренного населения (в первую очередь, русские) была заключена в концентрационные (переселенческие) лагеря. В статье освещаются средства идеологического воздействия на коренное население Карелии (карел, финнов, ингерманландцев, вепсов), представители которого считались будущими жителями «Великой Финляндии».

Ключевые слова: оккупационная политика, военная администрация, концентрационный лагерь, Карелия, «Великая Финляндия», национальная политика.

Итоги советско-финляндской (Зимней войны) 1939—1940 гг., потеря Карельского перешейка и Приладожской Карелии оценивались в Финляндии как несправедливые и ущемляющие национальные интересы страны. В обществе зрело желание возвращения потерянных земель, как только для этого сложатся подходящие условия.

После Зимней войны руководство Финляндии пошло на сближение с Германией, так как стали ясны планы Гитлера напасть на Советский Союз. На протяжении 1940 — весны 1941 г. проходили немецко-финляндские совещания. Финляндия на этих переговорах стремилась определить свою собственную роль в будущей войне: отвечать за участок фронта от Финского залива до Ухты. К северу от нее ответственность за состояние фронта должна была лежать на Германии.

По мере приближения войны между Германией и Советским Союзом у правящих кругов Финляндии возрастает интерес и к Восточной Карелии. Они надеялись в будущей войне не только вернуть утраченные по Московскому мирному

договору 12 марта 1940 г. земли Финляндии, но и расширить территорию за счет Восточной Карелии. Вновь воскресли планы о Великой Финляндии: о возможности включить родственные финнам народы Карелии (карелов, вепсов, ингерманландцев и др.) в число финляндских жителей, осуществить то, что не удалось сделать Финляндии на рубеже 1920-х гг.

Еще до начала войны против СССР в апреле 1941 г. президент Финляндской Республики Ристо Рюти дал задание активистам — членам национальных организаций подготовить научные исследования о будущем Восточной Карелии, на основании которых можно было бы доказать Германии, что данный регион исторически, национально и культурно принадлежит Финляндии (1).

И несколько таких исследований было выполнено. За несколько недель до начала военных действий заместитель председателя Академического карельского общества доктор Рейно Кастрен представил план устройства будущей администрации Восточной Карелии, который предусматривал постепенное включение этой территории в состав Финляндии (2).

Финляндский правительственный орган — газета «*Uusi Suomi*» заявляла, что «Карелия является неразрывной частью Финляндии. Финляндия не может сложить оружия, пока не будет освобождена вся Карелия». Другая финская газета «*Karjala*» писала, что «Финляндия имеет неоспоримое право на большую часть Советской России, не говоря уже о Карелии, до Свири, Онежского озера и Белого моря» (3).

Главные идеи плана включения Карелии в состав Финляндии нашли свое воплощение в осуществлении политики Военного управления Восточной Карелии, созданного по приказу главнокомандующего финской армией Маннергейма от 15 июля 1941 г., на оккупированной финскими войсками территории Советской Карелии в 1941—1944 гг. Командир управления подполковник В. Котилайнен в тот же день выпустил обращение к гражданам захваченных районов Советской Карелии, в котором объявил, что принял на себя руководство оккупированной территорией и что с этого времени каждый ее житель обязан выполнять требования финских военных властей. В перечне требований (из восьми пунктов) местным жителям запрещалось иметь любое оружие и радиоаппаратуру, находиться на улице ночью (с 21 часа вечера до 6 часов утра), присваивать или портить оставшееся государственное (колхозное) имущество, хранить или распространять политические книги. Гражданскому населению предлагалось продолжить свою обычную работу и предоставить опись имущества, а оставшимся советским солдатам немедленно сдать в плен. За нарушение данных требований грозили разного рода наказания вплоть до смертной казни (4).

Штаб управления сначала находился в г. Йозенсуу (Финляндия), а позднее — в Петрозаводске. Территория, подчиненная управлению, была разделена на три округа: Олонецкий, Масельгский и Беломорский, каждый из которых, в свою очередь, делился на более мелкие административные единицы — участки во главе с комендантом. Комендант руководил всей административной, военной и хозяйственной жизнью участка. В наиболее крупных деревнях были уполномоченные

Военного управления и их помощники — старосты, как правило, из представителей местного населения (5).

Аппарат управления был весьма мощным. К концу 1941 г. в нем работало 2917 сотрудников. Управление имело отделы: командный, противоздушной обороны, административный, полицейский, надзора за населением, экономический, просвещения, финансово-контрольный, врачебно-санитарный и комендантский (6).

Все руководящие должности как в центральном аппарате Военного управления Восточной Карелии, так и в районных администрациях занимались, как правило, финнами — офицерами и чиновниками, прибывшими в оккупированные районы Советской Карелии из Финляндии.

На низовую административную работу — на должности поселковых комендантов и сельских старост — финские оккупационные власти подбирали лиц из местного населения. Большинство из тех, кто соглашался на такое сотрудничество, было недовольно существовавшим до войны советским режимом или пострадало от него (коллективизация, борьба с церковью, политика террора второй половине 1930-х гг. и др.), некоторые участвовали в открытой борьбе против советской власти в период гражданской войны в Карелии и эмигрировали в начале 1920-х гг. в Финляндию. Однако были также и те, кто шел на сотрудничество с оккупационными властями, спасая свою жизнь и жизнь своих родных и близких.

В 1942 г. после завершения формирования на захваченной территории Карелии органов местной власти Военное управление Восточной Карелии организовало экскурсию старост из Олонецкого, Пряжинского, Заонежского, Ведлозерского и других оккупированных районов республики в Финляндию. Всего ездило 26 человек. Они посетили ряд заводов и организаций Хельсинки и других финских городов. Карельские старосты встречались с главнокомандующим финской армии К. Маннергеймом и президентом страны Р. Рюти (7).

В основе оккупационной политики лежала идея о том, что коренными жителями Карелии являются только карелы и другие финно-угорские народы. Русские, проживавшие на этой территории, по мнению военного и политического руководства Финляндии, были переселены сюда насильно.

Исходя из этого, присоединенную к Финляндии Восточную Карелию планировалось превратить в территорию, заселенную только финно-угорскими народами, а русских и представителей других этнических групп, считавшихся мигрантами, предполагали выселить из Карелии в захваченные немцами другие регионы Советского Союза.

В начальный период войны финским войскам удалось оккупировать $\frac{2}{3}$ территории Советской Карелии. Однако гражданское население, оказавшееся на ней, было значительно меньшим, чем ожидали финны.

Регистрация оставшегося населения осуществлялась по мере продвижения финских войск вглубь территории Республики и была закончена в конце 1942 г. Но уже к концу 1941 г. стала достаточно ясна ситуация с оставшимися в регионе жителями. На 21 декабря 1941 г., по данным финских исследователей, было зарегистрировано 86 119 чел., из которых родственным финнам — 35 919 (8).

В большинстве своем это были женщины, старики и дети. В дальнейшем численность колебалась незначительно — в пределах нескольких тысяч за весь период оккупации.

Российские исследователи в основном подтверждают эти цифры, отмечая, что в это число входило не только население, проживавшее до войны в Карелии, но и жители Ленинградской области по долине р. Свирь, не успевшие эвакуироваться и оказавшиеся на оккупированной территории (9). По справкам начальника разведотдела НКВД КФССР, на начало февраля 1943 г. на оккупированной территории Карело-Финской ССР находилось от 80 до 90 тыс. советских граждан (10).

Военное управление Восточной Карелии, исходя из утвержденных основ национальной политики на оккупированной территории, предполагало собрать все русское население в определенных местах и затем выселить за пределы Карелии в другие районы Советского Союза, которые должна была захватить Германия. С этой целью для русского населения стали создаваться концентрационные лагеря.

В положении Военного Управления Восточной Карелии о концентрационных лагерях говорилось: «1. В концлагерях содержатся: а) лица, относящиеся к не национальному населению (11), проживающие в тех районах, где их пребывание во время военных действий нежелательно; б) политически неблагонадежные лица, относящиеся к национальному и не национальному населению; в) в особых случаях и другие лица, пребывание которых на свободе нежелательно. Лица, названные в пунктах а) и б), должны содержаться в разных лагерях или в отдельно находящихся отделениях одного лагеря...» (12). Как показали события, большинство людей попадало в лагеря по пункту а), т.е. лица, не относящиеся к родственным финнам народам.

Составленная бюро по народонаселению статистика свидетельствует, что уже к концу 1941 г. в концлагерях было около 20 тыс. чел., в подавляющем большинстве русских. Наибольшее их количество пришлось на начало апреля 1942 г. (около 24 тыс.), или около 27% от всего населения, находившегося в зоне оккупации. Это довольно высокий процент с точки зрения международного права. К концу 1942 г. численность заметно уменьшилась, как из-за большой смертности в лагерях, так и из-за того, что часть людей освободили или отправили в трудовые лагеря. После этого на протяжении всех оставшихся месяцев оккупации численность колебалась между 15 тыс. и 18 тыс. чел., или составляла около 20% от всего попавшего в оккупацию населения (13).

До сих пор нет точных данных о том, сколько советских людей погибло в финских концлагерях для гражданского населения. Финский историк А. Лайне отмечает, что «за летние месяцы 1942 г. около 4,5 тыс. чел. из 22 тыс. умерло от недоедания и болезней. Осенью ситуация стабилизировалась и уже не ухудшалась» (14). Другой финский исследователь, Х. Сеппяля, пишет: «На самом деле мы не знаем, сколько советских людей умерло в наших концлагерях, не знаем, сколько находящихся на свободе людей умерло во время войны, и не знаем, сколько карелов и вепсов, увезенных в Финляндию, осталось там по окончании войны. Надо признать, что списки умерших штабом Военного управления составлены

крайне небрежно. На основании их можно сделать лишь очень приблизительные выводы, если это вообще возможно» (15).

Этой проблемой занимался карельский историк К.А. Морозов. По его данным, в результате тяжелого принудительного труда, плохого питания, голода, эпидемий, в результате расстрелов погибло свыше 14 тыс. советских людей, или $\frac{1}{5}$ часть оставшихся на оккупированной территории. Но в эту цифру входят не только погибшие и умершие в лагерях, но и на всей захваченной территории Восточной Карелии (16).

Военная администрация Восточной Карелии разделила все оставшееся на свободе население по национальному принципу на две основные группы: коренное, или привилегированное население (карелы и другие финно-угорские народы) и некоренное, или непривилегированное население (русские). Местное финно-угорское население рассматривалось в качестве будущих граждан Великой Финляндии. Для реализации этой цели была развернута мощная пропагандистская работа. Как отмечает финский историк А. Лайне, оккупационный режим стремился побудить карельский народ к финнофильству, сформировать в нем «знание об исторической задаче финского племени в его противодействии вековому стремлению России захватить Финляндию» (17).

С первых дней оккупации финское военное командование специально выделило офицеров по культурной деятельности, чья задача состояла в проведении просветительной и пропагандистской деятельности среди карельского населения. В структуре Военного Управления Восточной Карелии был создан 2-й отдел просвещения (Valistustoimisto), который ведал вопросами организации школьной сети, пропаганды и агитации, печати и религиозного культа (18). В проводимых отделом мероприятиях следовало отмечать незначительность деятельности Советского Союза для карелов, подчеркивать национальное и естественное единство Финляндии и Карелии. Как пишут финские исследователи, в просветительной работе проглядывалась идеология Академического карельского общества, исходившая из противостояния финского и славянского начал, финно-угорских народов с русскими (19).

Важнейшими средствами воздействия на местное финно-угорское население были газеты и радио. Органом Военного Управления Восточной Карелии была газета «*Vapaa Karjala*» («Свободная Карелия»), издававшаяся на финском языке один раз в неделю на протяжении всех лет оккупации. Первый номер вышел в августе 1941 г. тиражом в 5000 экз. К концу этого года тираж достиг 10 000 экз., а в 1943 г. составлял уже 11 700 экз. Главное направление газеты состояло в принижении русского народа и возвеличивании идеи Великой Финляндии. С 1942 г. Военное управление стало выпускать газету «*Raatenan Viesti*» («Паданские вести») на финском языке тиражом 1400 экз. Эти газеты оставляли вне внимания русское население.

Что касается русских жителей, то в издававшейся для военнопленных газете «Северное слово» в 1943 и 1944 г. выпускали приложения для гражданского населения. Эти материалы также носили чисто пропагандистский характер, подчеркивали роль финнов в Восточной Карелии. Так, «Северное слово» в начале 1943 г.

писало: «Прошедший 1942 год имел большое значение в развитии и подъеме Восточной Карелии. Финское Военное управление освобожденной Карелии продолжило работу по освобождению населения от большевистского рабства. Многое было сделано в области улучшения материального положения, а также дано хорошее начало для поднятия экономического положения населения до уровня остальной Финляндии. Со стороны Финского Военного командования и Красного Креста особое внимание было уделено санитарной деятельности. К концу года в Восточной Карелии функционировали 2 больших финских больницы, 3 меньших размеров, 2 родильных дома, 11 амбулаторий и 7 санитарных пунктов... Все это свидетельствует о стремлении коренных финнов помочь своим братьям по крови и создать им достойную человека свободную жизнь в освобожденной Карелии» (20).

Эта газета регулярно под рубрикой «Дневник войны» давала информацию «об успехах» германской армии и ее союзников, под рубрикой «В освобожденных областях» рекламировала «успехи» немецкой оккупационной администрации. На страницах газеты подробно рассказывалось о жизни в Финляндии: целые полосы занимали статьи о финских городах, государственном устройстве страны, общественных деятелях Финляндии. Основной объем информации носил антисоветский и антикоммунистический характер. Даже в рубрике «В часы досуга» и «Юмор» публикуемые кроссворды, ребусы, загадки носили пропагандистский характер. Почти в каждом номере помещались карикатуры на Сталина и других советских руководителей (21).

Радио Олонца («Aunuksen radio») основало военное командование. Но уже в августе 1941 г. отдел просвещения Военного управления Восточной Карелии счел необходимым подчеркнуть, что программы, предназначенные для гражданского населения, должны быть в его руках. В октябре 1941 г. Радио Олонца переехало в Петрозаводск в находящийся там радицентр. На начальной стадии в программах радио наряду с финским использовался и русский язык, но от него отказались уже в апреле 1942 г., зато увеличили количество программ на карельском языке.

Военное управление позаботилось и о том, чтобы у пропагандистских радиопередач была по возможности большая аудитория. В марте 1942 г. на оккупированной территории было 84 радиоточки, власти организовали 900 коллективных прослушиваний, в которых приняли участие 16 000 чел. К весне 1944 г. только в Петрозаводске насчитывалось уже более 1 тыс. радиоточек (22).

Средством усиления финского влияния на местное финно-угорское население становилось и школьное обучение. 5 января 1942 г. было обнародовано постановление об основах народной школы в Восточной Карелии. Языком обучения во всех школах становился финский язык. По этой причине русские дети оставались за бортом народной школы вплоть до конца 1943 г. К концу 1941 г. было основано уже 53 народные школы, в которых насчитывалось 4700 учеников. В 1944 г. количество школ выросло до 112, в них работал 331 преподаватель и обучалось 8393 учеников, т.е. около четверти всего родственного финнам населения посещало школу (23).

Русские школы стали открывать только в 1943 г., что объяснялось сложившейся для финнов неблагоприятной обстановкой на фронте. Одна русская школа была создана в Петрозаводске для находящихся на свободе детей и пять — для детей, находящихся в лагерях. К концу оккупации насчитывалось 15 школ для русских детей, 7 из которых находились в лагерях. В них было 87 учителей и 3000 учеников (24). Однако русские дети с неохотой шли в школы, организованные финнами.

Что касается народных школ для финно-угорского населения, то особенно большое внимание в учебных планах и программах уделялось мировоззренческим предметам: истории, географии, финскому языку и религии. «Книгу о Великой Финляндии», подготовленную к печати советником министерства образования Финляндии К. Мерикоски, использовали в качестве учебника по истории и географии. В 1942 г. был издан учебник «Моя страна — Великая Финляндия». В финских учебниках в период войны были сделаны специальные дополнения для учащихся народных школ Восточной Карелии. В обучении преобладало финское национальное воспитание, а сам учебный процесс был направлен на пропаганду идеи Великой Финляндии, которая включала бы и территорию Советской Карелии.

В преподавании истории пытались показать, что советская государственная система ничего не сделала для карельского населения, что русские были и остаются извечными врагами финнам и родственным им народам. Преподавание географии хорошо укладывалось в два слова — Великая Финляндия, старались доказать, что Восточная Карелия должна стать составной частью этого государства. Большое внимание в обучении финские оккупационные власти отводили также религии, считая ее одной из действенных средств антикоммунистического воздействия на молодежь.

По мнению финских авторов, повышению популярности народных школ среди местного финно-угорского населения способствовало то обстоятельство, что при них стали открываться столовые, где учеников бесплатно кормили. Первые школьные столовые были открыты в январе 1942 г., в феврале этого года их насчитывалось 54, а в марте — 64 (25). Кроме того, в период войны в различные школы и народные училища, а также на курсы в Финляндию была отправлена большая группа карельской молодежи.

Учителя в народных школах для коренного населения на оккупированной территории Карелии в основном были из Финляндии. Осенью 1941 г. в Финляндии был проведен набор учителей для работы в Восточной Карелии. Из 630 претендентов было отобрано 128 чел. С 3 по 9 ноября 1941 г. для них были организованы курсы при Хельсинском университете (26).

Особую группу составляли учителя, работавшие в школах в советское время. Их направляли для обучения в Финляндию, полагая, что путем краткосрочных курсов удастся вытравить из них коммунистическое мировоззрение. Так, в конце 1941 г. со всей оккупированной территории Карелии финские власти стали собирать в г. Петрозаводске бывших советских учителей, в большинстве своем карелов и вепсов. В декабре 1941 г. они были направлены в Финляндию в учительский лагерь Миеслахти. Всего прибыло 59 женщин и 13 мужчин. Преподавате-

лями этого учительского лагеря стали откомандированные Военным управлением Восточной Карелии офицеры, которые являлись педагогами по специальности. После окончания курсов бывшие советские учителя вернулись обратно на оккупированную территорию Карелии для работы в народных школах (27).

Пропаганде идеи Великой Финляндии среди местного населения была подчинена и культурно-просветительная работа Военного управления Восточной Карелии. Она началась с изъятия у жителей, а также из библиотек советской литературы. Опись книг, подлежащих уничтожению, составляла 157 листов (28). Для искоренения «нежелательной литературы» в народных школах было организовано соревнование по сбору «коммунистической литературы» на русском и финском языках (29). Вместо изъятых советской литературы была привезена финская. К концу 1941 г. на оккупированной территории Советской Карелии было открыто 3 библиотеки. В отчете Военного управления Восточной Карелии за декабрь 1941 г. говорилось, что «библиотеки использовались удовлетворительно, главным читателем является молодежь. Более всего читаются иллюстрированные издания, популярные произведения и, особенно, молодежные книги и сказки» (30).

Финские власти организовали также демонстрацию кинофильмов. В конце 1941 г. Военным управлением Восточной Карелии был получен киноаппарат, который возили на санях (31). Первые кинотеатры были открыты в начале 1942 г. Билет стоил 5 марок, но практиковался и бесплатный просмотр кинолент, которые носили ярко выраженный пропагандистский характер (32).

Важным средством идеологического воздействия на местное население захваченной Карелии являлись праздники, которые устраивали оккупационные власти. В Петрозаводске для их проведения часто использовалась центральная площадь — площадь Кирова. Главной темой праздников была пропаганда «финских традиций и национального духа».

Первым крупным мероприятием такого рода стало празднование Дня независимости Финляндии 6 декабря 1941 г., которое отмечалось на всей оккупированной финнами территории. Также проводились такие праздники, как дни Калевалы, матери, Финского флага, день рожденья маршала Маннергейма, праздник урожая, освобождения деревень и др. (33). Очень часто праздники устраивались в народных школах. В отчете Военного управления Восточной Карелии за декабрь 1941 г. указывалось, что «в смысле обработки настроения населения праздники сыграли значительную роль» (34).

Что касается религиозного воспитания среди местного финно-угорского населения, то оно имело цель усилить финское влияние в Восточной Карелии. Лютеранские круги Финляндии хотели обратить карелов в свою веру. Все представители Академического карельского общества и военный епископ, работавшие на оккупированной территории Карелии, были сторонниками лютеранства. Правда, сотрудники Военного Управления Восточной Карелии понимали, что Карелия была традиционно православным регионом. И тем не менее, православные священники были в худшем положении по сравнению с лютеранскими. Так, в 1943 г. лютеранские священники относились по категории оплаты к 28—29 разрядам, а православные — только к 25 разряду (35).

Первый священник-лютеранин был назначен в Петрозаводск в ноябре 1941 г. Первый православный священник прибыл в Петрозаводск в декабре 1941 г. В этом же месяце накануне Рождества прошло первое богослужение в Крестовоздвиженской церкви города (36). К концу 1941 г. в Восточной Карелии насчитывалось 9 лютеранских священников и 4 помощника, 9 православных священников и 2 помощника (37).

Как отмечают финские исследователи, сначала существовали проблемы с организацией церковных служб. Так, в Петрозаводске из-за отсутствия подходящего помещения для богослужения лютеранский священник проводил службы в зале народной школы. Позднее для этих целей было предоставлено бывшее здание Дома Красной Армии (38). В населенных пунктах, оккупированных финнами, для проведения служб использовались клубы и здания школ. В конце 1941 г. 7000 экз. Нового Завета было распространено по округам Военного управления Восточной Карелии. Также местному населению были розданы молитвенники, сборники духовных песен, церковные календари, православные и лютеранские газеты, изданные в Финляндии, крестики, восковые свечи и др. (39).

Учитывая протесты карельского населения против обращения его в лютеранство, главнокомандующий финскими войсками К. Маннергейм 24 апреля 1942 г. издал приказ, согласно которому запрещалась пропаганда смены конфессий и жители Карелии получали право свободно выбирать православную или лютеранскую веру (40). К концу 1943 г. из находившегося на свободе населения Восточной Карелии к церкви приобщилось 48%, из них коренного — 66% и некоренного — 24%. Православную церковь посещало 45% населения, лютеранскую — 3% (41). Эти цифры показывают, что традиционная православная вера оставалась для карелов определяющей и в годы оккупации, как и в довоенный период. Сами финские исследователи признают, что религиозное воспитание на протяжении трех лет не в силах было истребить веру местного населения в правоту советского строя, религиозная работа не дала заметных результатов (42).

Попытки финнизации карельского населения ярко проявилась и в топонимике. Отдел просвещения Военного Управления Восточной Карелии, ведавший изменением названий, уже в августе 1941 г. предложил переименовать Петрозаводск в Яанислинна (Крепость на Онего), а Кемь — в Виенанлинна (Крепость Беломорья). Это обосновывалось великофинляндскими мотивами. Кемь уже была в Финляндии, а в будущей Великой Финляндии два одноименных города было ни к чему. Петрозаводск считался названием русского происхождения. Было решено дать эти новые имена сразу после захвата.

Петрозаводск был переименован 1 октября 1941 г., а Кемь переименовать не удалось, так как финские войска не смогли взять город. Используя карельское название Олонца (Аунус), по инициативе Военного Управления его переименовали в Аунуслинна (Крепость Олонии).

Осенью 1941 г. Военное управление Восточной Карелии направило в оккупированные районы рекомендательные списки о переименовании улиц в городах и селах Восточной Карелии. Для этого предлагались имена героев так называемых «племенных войн» и происходящей войны, а также имена героев национального эпоса «Калевала».

Новые названия улиц в Петрозаводске были утверждены Военным Управлением Восточной Карелии в конце 1942 г. Их оказалось около 90. Так, ул. Ленина была переименована в ул. Карельскую, ул. Герцена — в Олонецкую, ул. Кирова — в Калевальскую, ул. Дзержинского — в Вайнямейнена, ул. Комсомольская — в Сампо, ул. Анохина — в Егерскую, ул. Горького — в Воина-соплеменника и др.

Цель была прежняя — усилить финское влияние в Восточной Карелии, вбить клин между финно-угорским и русским населением. Газета оккупационной администрации «*Varaa Karjala*» 12 февраля 1943 г. по этому поводу писала: «У каждого карела есть основание радоваться исчезновению следов большевизма, позднее это будет сделано и в других городах Восточной Карелии. Появившиеся в названиях улиц национальные мотивы возвещают, что Восточная Карелия освободилась от оков рюссей» (43).

С первых недель оккупации сотрудники Военного управления Восточной Карелии стали обращать внимание на имена, даваемые при крещении детей. Из регистраций крещений было видно, что осенью 1941 г. детям карельской и вепсской национальности давали русские имена. Олонецкий штаб Военного Управления потребовал от священнослужителей разъяснить населению, что подобные имена абсолютно неуместны для Финляндии. Они должны были убеждать родителей давать своим детям финские имена. В качестве приложения имелся список одобренных Православной церковью финских имен. Но лишь немногие жители Карелии в период оккупации сменили свои фамилии и имена на финские. За 1941—1944 гг. таких оказалось 2263 чел. (44).

Разделение населения оккупированной Карелии на коренное (финно-угорское) и некоренное (русское) проявлялось также при распределении продовольствия и выплате заработной платы. Военное управление Восточной Карелии выдавало неработающему свободному населению продукты по карточкам. Первые нормы были такими: финнам и карелам выдавали в день 300 г муки и 400 г сахара в месяц; русским давали в день только 200 г муки и 250 г сахара в месяц. Вне зависимости от национальности работающие получали в день дополнительно по 150 г хлеба. В октябре 1941 г. карелам выдали по 500 г сахара, а русским — только до 300 г (45). Эти нормы в отдельных оккупированных районах были разные и постоянно менялись. Так, нормы продуктов в Петровском районе для финнов и карелов составляли: 500 г хлеба в день, 950 г жиров в месяц, а для русских соответственно 350 г хлеба и 750 г жиров (46).

Из отчета Военного Управления Восточной Карелии о состоянии распределения продуктов питания за декабрь 1941 г. следует, что неработающее карельское население могло получить по продовольственным карточкам следующие продукты: муки — 7,5 кг, сахара — 1 кг, маргарина — 150 г, картофеля — 15 кг; в ноябре и декабре мяса на 15 марок. Русское население могло получать такую же норму, как и карелы, за исключением муки, которой они получали на 1,5 кг меньше. Работающие карелы и русские получали дополнительно по 4,5 кг муки и 350 г маргарина в декабре, а также мяса на 15 марок в ноябре и декабре 1941 г. (47).

Национальный принцип выдерживался и при выплате заработной платы. Штаб Военного Управления Восточной Карелии утвердил расценки работ, про-

изводимых местным населением на оккупированной территории, установив, что русским и прочим инородным рабочим выплачивается 50—60% от утвержденных норм для финнов и карелов. Например, плотники-карелы получали 7—10 марок в час; русские — 4,9—7 марок; женщины на разных работах соответственно 3,5—6 марок в час и 2,5—4 марки в час. Финская женщина на оккупированной территории Карелии получала такую же зарплату, как высокооплачиваемый специалист-мужчина (48).

Устанавливая нормы снабжения и расценки на производимые работы в зависимости от национальности, оккупационный режим пытался стимулировать «финнизацию» местного населения. Так, финны обнаружили очень мало финно-угорского населения в Петрозаводске, Кондопожском районе, Заонежье. Многие люди с карельскими фамилиями объявляли себя русскими, не желали получать паспорта для карелов. Тогда власти увеличили для лиц, имеющих карельские паспорта, хлебную и продовольственную нормы в два раза, повысили им заметно заработную плату, давали лучшие земельные и сенокосные угодья. Кто имел паспорт карела, получал по 7—8 марок в час, в то же время русские за аналогичную работу получали 2—3 марки (49).

Ярко выраженное пропагандистское значение имела попытка привлечь местное карельское, финское и вепское население к вооруженной борьбе против СССР. Еще до начала военных действий приказом от 23 июня 1941 г. Маннергейм объявил о мобилизации проживавших в Финляндии ингерманландцев, олонечких и беломорских карелов, а также финнов — участников так называемых «племенных войн». Так были сформированы Беломорский (Виэнан) и Олонецкий (Аунуксен) родственные (финно-угорские) батальоны. Вместе с некоторыми другими подразделениями они вошли в состав Олонецкой оборонительной бригады (50).

В октябре 1942 г. Олонецкая бригада была расформирована и из ее состава выделили батальон, состоявший преимущественно из карелов. Его переименовали в 3-й родственный (финно-угорский) батальон «Хеймо» (братский батальон). В состав батальона были включены также представители местного финно-угорского населения из числа военнопленных (51).

По мнению финского военного командования, 3-й родственный батальон должен был воевать за освобождение «соплеменников», вдохновлять жителей Карелии на борьбу против СССР или хотя бы расположить местное население к финской армии. Численность его была по одним данным 1070, по другим — 1115 чел., из которых 837 ранее служили в Красной Армии (52).

Хотя в батальон отбирали людей, заслуживающих доверие финских властей, их надежность проверялась в особом лагере Ахонлахти (район г. Савонлинна), где служба безопасности внедрила в батальон своих людей. Уже там выявилось несколько офицеров, которые намеревались перейти на советскую сторону или уйти в партизаны в тылу финнов. Их отправили обратно в лагеря для военнопленных.

В течение 4-х месяцев (с ноября 1942 г. по февраль 1943 г.) личный состав батальона занимался строевой, боевой и тактической подготовкой. Все участники батальона должны были подписывать обязательства добровольца следующего со-

держания: «Я (фамилия, имя, отчество), добровольно вступая в финскую армию, обязуюсь честно и добросовестно служить финскому правительству в его борьбе против советской власти и большевизма. За нарушение дисциплины буду привлечен к ответственности» (53).

3-й родственный батальон в мае 1943 г. перебросили на Карельский перешеек, и через три недели он был направлен на передовую. В течение всего периода его существования на нем лежала печать недоверия со стороны финского командования. Было немало случаев перехода части бойцов на сторону Красной Армии, побегов за линию фронта. Часть людей из родственного батальона после войны Финляндия передала Советскому Союзу, где их ждала трагическая судьба предателей; часть успела уйти на Запад, в основном в Швецию (54).

Национальная политика Военного управления Восточной Карелии на оккупированной территории стала меняться с 1943 г., когда финское военное руководство начало осознавать, что Германия не победит в войне против Советского Союза, а ведущие страны антигитлеровской коалиции договорились на Тегеранской конференции о принципах заключения мира. Было отменено национальное размежевание при распределении продуктов питания и оплаты труда среди гражданского населения Восточной Карелии. С 1943 г. стали открывать школы для русских детей. После голодной катастрофы 1942 г. из лагерей были освобождены тысячи русских, чтобы они могли свободно проживать в деревнях, правда, не смешиваясь с карельским населением. Пайки для оставшихся в лагерях были увеличены, а сами концлагеря переименовали в лагеря для перемещенных лиц.

Уже осенью 1943 г. штабом Военного управления Восточной Карелии был разработан план эвакуации с оккупированной территории. Эвакуации подлежало только родственное население (по предварительным оценкам, около 43 тыс. чел.). Русскоязычное население предполагалось оставить по месту жительства или в концлагерях.

Летом 1944 г. в планы эвакуации из Восточной Карелии были внесены изменения. В приказе финского военного командования местное население уже не подлежало обязательной эвакуации. В случае если жители будут двигаться в Финляндию по собственной инициативе, им следовало оказать помощь. С эвакуацией скота решено было просто. Министерство сельского хозяйства и ветеринарная служба, опасаясь заболеваний скота, запретили перегонять коров из Карелии в Финляндию.

Результаты национальной политики финских властей на оккупированной территории Советской Карелии в военный период, отношение к ней местного населения ярко проявились на заключительном этапе военных действий на Севере, когда в ходе наступления советских войск летом 1944 г. началось отступление финских воинских частей и эвакуация с ними местных жителей.

По данным финских источников, на оккупированной территории Карелии к лету 1944 г. всего оставалось 83 540 местных жителей. Из них 68 453 чел. проживали в населенных пунктах, 14 926 — в переселенческих лагерях и 162 чел. — в концентрационных лагерях. Около половины — 41 803 чел. — относились к родственным финнам народам (карелы, финны, вепсы, ингерманландцы) (55).

С оккупированной территории Карелии в Финляндию эвакуировалось 2799 чел., или только 3,35% от всего населения зоны оккупации. Из них представителей родственных финнам народов — 2196 чел. (карелов — 1422, вепсов — 314, финнов — 214, ингерманландцев — 176, прочих — 70), других не финских народов — 603 (русских — 244, украинцев — 259, прочих — 100) (56).

Количество людей, переселившихся в Финляндию, было незначительным. Большая часть местных жителей, несмотря на массивную националистическую пропаганду, осталась верна своей Родине и не захотела переезжать в чужую страну, тем более такую, которая находилась на грани военного поражения. Для некоторых эвакуация была неизбежной: для тех, кто находился на службе у финских оккупационных властей и боялся привлечения к суду за предательство, для женщин, состоявших в браке с финнами или мужчинами, ушедшими в родственные батальоны, для самих бойцов этих батальонов.

В целом можно отметить, что национальная политика финского оккупационного режима в Карелии в 1941—1944 гг., направленная на разделение населения по национальному признаку (на финно-угорское и русское), не принесла желаемых результатов. Ему не удалось привлечь на свою сторону советских карелов, вепсов, финнов. Более того, те, кого пришли освобождать от «русской неволи», сами с оружием в руках вместе с русским и другими народами Советского Союза отстаивали независимость своей страны.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) *Септяля Х.* Финляндия как оккупант в 1941—1944 годах // Север. — 1995. — № 4—5. — С. 98—99.
- (2) *Лайне А.* Гражданское население Восточной Карелии под финляндской оккупацией во Второй мировой войне // Карелия. — 1995. — № 4—5. — С. 98—99.
- (3) Цит. по: *Морозов К.А.* Карелия в годы Великой Отечественной войны (1941—1945). — Петрозаводск, 1983. — С. 75.
- (4) Государственный архив Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Республике Карелия (далее — ГА УФСБ РФ по РК). Ф. ФСДП. — Оп. 1. — Д. 117. — Л. 63—64.
- (5) Карельский государственный архив новейшей истории (далее — КГАНИ). — Ф. 2730. — Оп. 1. — Д. 212. — Л. 11.
- (6) Там же. — Ф. 213. — Оп. 1. — Д. 389. — Л. 15; Национальный архив Республики Карелия (далее — НАРК). — Ф. 804. — Оп. 1. — Д. 3. — Л. 1.
- (7) ГА УФСБ РФ по РК. — Ф. ФСДП. — Оп. 1. — Д. 117. — Л. 63—64.
- (8) *Септяля Х.* Финляндия как оккупант... — С. 102; *Лайне А.* Национальная политика финских оккупационных властей в Карелии // Вопросы истории Европейского Севера (проблемы социальной экономики и политики: 60-е гг. XIX—XX вв.). — Петрозаводск, 1995. — С. 100.
- (9) *Морозов К.А.* Карелия в годы... — С. 77; *Макуров В.Г.* Петрозаводск в годы суровых испытаний 1941—1945. — Петрозаводск, 2005. — С. 29.
- (10) ГА УФСБ РФ по РК. — Ф. 35. — Пф. 20. — Д. 117. — Л. 50.
- (11) В ненациональное население финская военная администрация включала нефинно-угорские народы Карелии (русские и др.), в национальное — финно-угорские (советских карел, финнов, ингерманландцев и вепсов).
- (12) НАРК. — Ф. 804. — Оп. 1. — Д. 8. — Л. 50.

- (13) *Лайне А.* Национальный вопрос в финской оккупационной политике в Советской Карелии во время Второй мировой войны // *Европейский Север: история и современность.* — Петрозаводск, 1990. — С. 101; *Он же.* Гражданское население Восточной Карелии под финляндской оккупацией во Второй мировой войне. — Там же. — С. 43; *Он же.* Национальная политика... — С. 100—101; *Невалайнен П.* Карелия после 1917 года // *История карельского народа.* — Петрозаводск, 1988. — С. 288; *Сеппяля Х.* Финляндия как оккупант... — С. 103.
- (14) *Лайне А.* Гражданское население... — С. 43.
- (15) *Сеппяля Х.* Финляндия как оккупант... — С. 113.
- (16) *Морозов К.А.* Карелия в годы... — С. 80.
- (17) *Лайне А.* Национальная политика... — С. 102—103.
- (18) КГАНИ. — Ф. 8. — Оп. 1. — Д. 1127. — Л. 34—36.
- (19) *Лайне А.* Национальная политика... — С. 103; *Сеппяля Х.* Финляндия как оккупант... — С. 115.
- (20) В единении со свободной Финляндией — будущее Восточной Карелии // *Северное слово.* — 1943. — 30 января. — С. 3.
- (21) *Северное слово.* — 1942—1944 (Из фондов НАРК).
- (22) *Сеппяля Х.* Финляндия как оккупант... — С. 119.
- (23) *Лайне А.* Национальная политика... — С. 103.
- (24) *Сеппяля Х.* Финляндия как оккупант... — С. 116.
- (25) *Куломаа Ю.* Город на Онего // *Набат Северо-Запада.* — 1991. — 3—31 мая.
- (26) По обе стороны Карельского фронта. — Петрозаводск, 1993. — С. 207.
- (27) ГА УФСБ РФ по РК. — Ф. ФТДМ. — Оп. 2. — Д. 8303. — Л. 292.
- (28) НАРК. — Ф. 805. — Оп. 1. — Д. 17. — Л. 1—157.
- (29) *Куломаа Ю.* Город на Онего. — С. 4—5.
- (30) По обе стороны... — С. 196.
- (31) Там же. — С. 197.
- (32) *Куломаа Ю.* Город на Онего. — С. 4—5.
- (33) По обе стороны... — С. 415.
- (34) Там же. — С. 167.
- (35) *Сеппяля Х.* Финляндия как оккупант... — С. 119.
- (36) *Куломаа Ю.* Город на Онего. — С. 4—5.
- (37) По обе стороны... — С. 168.
- (38) *Куломаа Ю.* Там же.
- (39) По обе стороны... — С. 208.
- (40) *Сеппяля Х.* Финляндия как оккупант... — С. 118.
- (41) Там же; *Лайне А.* Национальная политика... — С. 105.
- (42) Там же.
- (43) *Вараа Kaŗjala.* — 1943. — 12 февраля.
- (44) *Сеппяля Х.* Финляндия как оккупант... — С. 119.
- (45) Там же. С. 107.
- (46) КГАНИ. — Ф. 8. — Оп. 1. — Д. 1094. — Л. 56.
- (47) Из отчета Финского Военного управления Восточной Карелии о состоянии дел за декабрь 1941 года // По обе стороны Карельского фронта. — С. 164.
- (48) КГАНИ. — Ф. 8. — Оп. 1. — Д. 1127. — Л. 23.
- (49) Там же. — Оп. 14. — Д. 376. — Л. 46, 50.
- (50) ГА УФСБ РФ по РК. — Ф. 35. — Пф. 20. — Оп. 1. — Д. 117. — Л. 88.
- (51) Там же.
- (52) *Сеппяля Х.* Финляндия как оккупант... — С. 120.
- (53) ГА УФСБ РФ по РК. — Ф. ФДОУ. — Д. 23. — Л. 102 об.

- (54) *Сеппяля Х.* Финляндия как оккупант... — С. 121.
(55) По обе стороны... — С. 541—553; *Макуров В.Г.* Петрозаводск в годы суровых испытаний... — С. 33.
(56) *Сеппяля Х.* Финляндия как оккупант... — С. 126.

NATIONAL POLICY OF THE FINNISH GOVERNMENT ON THE OCCUPIED TERRITORY OF KARELIA IN 1941—1944

S.G. Verigin

Historical Faculty

Petrozavodsk State University

Lenin Ave., 33, Petrozavodsk, Republic of Karelia, Russia, 185910

The paper outlines that the occupation policy of the Finnish military administration on the territory of the Soviet Karelia in 1941—1944 was based on the idea of dividing the residents on the Finno-Ugric population (indigenous) with the number of privileges and non-Finno-Ugric one (not indigenous) which was deprived of any privileges. Moreover, half of the non-native population (Russians, most of all) was settled in the concentration (emigrant) camps. The paper covers the means of the ideological influence on the native population of Karelia (Karelians, Finns, Ingermanlands, Vepsians) who was considered to be the future residents of the «Great Finland».

Key words: Occupation policy, military administration, concentration camps, Karelia, «Great Finland», National policy.